

Георгий ГЛОВЕЛИ

**ЕВРАЗИЙСКОЕ МЕСТОРАЗВИТИЕ И ЭТАЛОННЫЕ АРЕАЛЫ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В ИСТОРИИ РОССИИ***

Ухудшение условий обмена с Западом за столетие после Екатерины II и долгое сохранение крепостной неволи — классические признаки сползания в периферию. Но Россия удерживалась в полупериферийном ярусе — и не только военной силой, но и своими просторами¹. Ее нельзя было полностью завоевать и насытить тем, «чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный». Оставалось много места для сермяги и кустарных изделий, простор для производства которых был открыт «Манифестом о свободе торговли и промышленных станов» (1775) все той же Екатерины II.

Полупериферийный аршин и рельсы догоняющего развития

Любопытно, что русские кустарные промыслы выходили за рамки эталонных ареалов западных экономических доктрин. Европейская политическая экономия в своем становлении от меркантилистских изысканий умножения доходов государства до классических формулировок принципов свободной торговли ориентировалась на крупное производство. Централизованные «королевские мануфактуры» французского кольбертизма стали символом меркантильной системы; хлопчатобумажные фабрики Манчестера — символом британского фритредерства; крупное фермерское сельское хозяйство (Ф. Кенэ сожалел, что таковое во

* Начало статьи см. в предыдущем номере.

¹ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 38.

Франции есть лишь в прибрежных областях Северного моря — Нормандии и Пикардии) — предметом физиократии и учения А. Смита — Д. Рикардо. С критикой классической политэкономии выступили Ф. Лист, а затем Ф. Энгельс с К. Марксом. Первый критиковал «космополитический», два других — «буржуазный» характер классической доктрины, но ни один из них не сомневался в исторической миссии крупного производства. Не сомневался в ней и первый российский академик-политэконом А.К. Шторх. Он порицал сочетание в массе русских крестьян хлебопашества с домашними промыслами, считая это не более чем результатом «невежества и искаженного понятия о выгодах» со стороны земледельцев, не желающих уступить заработок ремесленникам и торговцам¹.

Иначе объяснял распространенность крестьянских промыслов первый глава департамента экономии Госсовета Российской империи Н.С. Мордвинов. К поискам дополнительных промысловых доходов крестьян вынуждают неблагоприятные в значительной части страны условия для основной отрасли хозяйства — земледелия. Россия «пространна землями по географическому токмо исчислению; но скуднее она всех других государств по площадному содержанию нив, вспахиваемых и засеваемых». Посевная земля в иных губерниях может прокормить только половину, в иных не более трети, а где и не более четверти жителей; «по числу же земледельцев наших нет державы, где бы так мало зажинаемо было хлеба»². Потребность в дополнительных доходах и невольная праздность ввиду краткого срока земледельческих работ вынуждают крестьян искать дополнительные доходы на отхожих промыслах нередко вдали от родных мест.

Адмирал Мордвинов, многолетний президент Вольного экономического общества, был англофилом, причем его уважение к стране-гегемону капиталистической мир-экономики сформировалось во время учебы в Англии, когда промышленная революция там еще только набирала ход (1774—1777) и еще не возникло массового скопления людей в городах вокруг крупных предприятий со всеми мрачными сторонами фабричного быта. Поэтому, не считая целесообразным копировать английскую политику свободной торговли и рекомендуя таможенным покровительством содействовать ремесленно-фабричному производству в России, Мордвинов не ставил под сомнение английские образцы как та-

¹ Шторх А.К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: ИД «Экономическая газета». 2008. С. 115.

² Мордвинов Н.С. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1945. С. 80.

ковые. Но уже для его младших современников геокультурный эталон «перевернулся». Консервативный министр финансов генерал-интендант Е.Ф. Канкрин и глава заговорщиков-декабристов полковник П.И. Пестель предпочитали английским классикам экономиста-романтика С. де Сисмонди, который защищал мелкое производство как способ избавления от бедствий, принесенных в Англии рабочему населению крупным производством и урбанизацией (нищета, кризисы, пауперизм). К середине XIX века в русском сельском кустарничестве, сросшемся с земледелием, стали видеть предохранение от «язвы пролетариата»³, и еще долго не смолкал гул идеологических предпочтений деревенского «народного производства» городскому фабричному.

Однако с внедрением английского оборудования — благодаря деловым связям в Манчестере энергичного немца Людвига Кнопа (1821—1894) — на российских фабриках крупное машинное производство ситцев и других хлопчатобумажных тканей стало задавать тон промышленности великорусского центра и страны в целом. Восхождение «ситцевого» капитализма наглядно показало опять-таки полупериферийное положение России в капиталистической мир-экономике. Если Индия — родина хлопчатобумажной промышленности — была завоевана не только силой британского оружия, но и «тяжелой артиллерией» английских хлопчатобумажных тканей и обращена в поставщика хлопка-сырца для метрополии, то Россия в течение XIX столетия прошла иной путь. В начале века главная статья ее импорта — хлопчатобумажные ткани, в середине века — бумажная пряжа, в конце века — хлопок-сырец⁴. Рынком сбыта русских тканей становится Китай, а когда-то занимавшая главное место в импорте через Кяхту желтая хлопчатобумажная ткань «китайка» остается лишь в словаре Даля.

Завоевание Ташкента и Чимкента, Коканда и Самарканда — не просто геополитическая компенсация за поражение в Крымской войне, но обретение сырьевого «улуса» (хлопок, марена) и рынков сбыта для хлопчатобумажных фабрик, прежде всего московских. Еще на рубеже 1850—1860-х «Вестник промышленности» — выразитель интересов московского славянофильско-купеческо-промышленного лобби — открыто призывал к территориальной экспансии в Средней Азии. Участник покорения Самарканда генерал М.А. Терентьев (1839—1908) в книге «Россия и Англия в борьбе за рынки» (1876) дал такое резюме присоединению Туркестанского

⁴Тенгоборский Л.В. О производительных силах России. Т. III. М.: Университетская тип., 1858. С. 18.

⁵Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. Пг.: Атеней, 1923. С. 301.

края: «Вслед за штыком в Азию торжественно вступает и наш шестнадцати вершковый аршин».

Продвижение в Центральную Азию в правление Александра II — последнее крупное расширение «евразийского месторазвития» России — вполне логично завершилось проектом Среднеазиатской железной дороги, предназначенной для подвоза хлопка-сырца к московским фабрикам.

Железные дороги были самым впечатляющим геоэкономическим и геокультурным явлением XIX столетия — символом и инструментом капиталистической индустриализации. В Англии, закрепившейся на вершине капиталистической мир-экономики, они увенчали промышленный переворот, в странах континентальной Европы и в США сомкнули пространство национальных рынков. В России в преддверии и после отмены крепостного права «удивительное изобретение, которому не видим подобного в летописях мира», и вызванные им «великие перемены» стали предметом восхищения и западников, и славянофилов, и фритредеров, и протекционистов; одни видели в нем скорейший способ сближения с Европой, другие — мощнейший фактор национальной консолидации. Правительство инспирировало «железнодорожную лихорадку», раскрутив предпринимательский успех нескольких «железнодорожных Монте-Кристо», в считанные сроки ставших миллионерами. Славянофилы, лоббировавшие интересы московских фабрикантов, пытались противодействовать взятому Министерством финансов курсу на подчинение новых путей сообщения интересам дальнейшего расширения хлебного экспорта (направление железнодорожных линий на подвоз экспортного зерна к балтийским и черноморским портам и раздача сверхприбыльных концессий прибалтийским немцам и польским евреям, имевшим хорошо налаженные связи с европейскими зерновыми рынками). Популярный профессор Московского университета А.И. Чупров (1842—1908) тщательной разработкой «железнодорожного вопроса» положил начало новой науке — экономике транспорта.

Железнодорожная отрасль выдвинула крупнейшего государственного деятеля России рубежа XIX — XX веков СЮ. Витте, последователя идей «Национальной системы политической экономии» Ф. Листа, в которой железным дорогам придавалось ключевое значение в создании «национальной ассоциации производительных сил». Витте на посту министра финансов приступил к осуществлению стратегии ускоренной индустриализации России посредством государственного поощрения железнодорожного строительства,

дополненного обильным привлечением иностранных капиталов⁵ в крупную промышленность, так или иначе связанную с железными дорогами. К этому времени объединенная Германия дала не только доктрину «воспитательного протекционизма», но и успешный пример ее воплощения. Мощный промышленный рывок сделал к началу XX века Германскую империю страной не только с наибольшей протяженностью железнодорожной сети в Европе, но и вообще новым европейским промышленным лидером и главным торговым партнером России.

Витте, взявший под свой контроль сооружение величайшей магистрали — Транссиба, рассчитывал на железнодорожную сеть как на способ реализации Россией интересов собственного догоняющего развития и «мирового транзита» в торговом посредничестве между Западом и Востоком. Транссибирская магистраль должна была не только содействовать переселению в Сибирь малоземельных крестьян из Европейской России и освоению природных ресурсов Азиатской России, но и обеспечить выручку от вывоза товаров на Восток для выплаты процентов на западные капиталы, импортируемые для ускорения индустриализации России.

***Новый геокультурный эталон: промышленные и
земледельческие синдикаты***

Еще более значительными, чем в Германском втором рейхе, были размах железнодорожного строительства и рост экономического могущества США, к началу XX века достигших мирового индустриального первенства и выдвинувших своих «пророков» новой «мировой расчетной палаты» и новой «мировой империи». Обе страны, опередившие в промышленности британского гегемона капиталистической мир-экономики, демонстрировали новое институциональное устройство — подчинение крупной промышленности монополистическим союзам: картелям в Германии и трестам в США. В России монополии нового типа, выросшие из конкуренции в крупной промышленности, именовались стачками предпринимателей или на французский манер «синдикатами». В самой России они стали возникать в динамичных отраслях на южных окраинах империи (синдикаты украинских сахарозаводчиков, бакинских керосинозаводчиков). Министр финансов Витте откомандировал на Всемирную выставку в Чикаго (1893) профессора Московского университета И.И. Янжула (1845—1914)

⁵ Благодаря сочетанию запретительного таможенного тарифа 1891 г. и конвертируемости рубля, обеспеченной денежной реформой 1895—1897 гг.

с поручением оценить значение и перспективы промышленных синдикатов, чтобы выработать к ним отношение. Янжул сделал вывод, что «страшная вновь возникшая сила» капиталистических объединений — закономерная «ликвидация старых понятий о свободной конкуренции», и надо допустить легальное существование этих предпринимательских союзов и регламентировать их деятельность, обставляя надлежащими условиями⁷.

Корректив к классической доктрине свободной конкуренции требовало и образование синдикатов, или товариществ, в сельском хозяйстве. Оно развернулось в странах континентальной Европы под воздействием аграрного кризиса — сбивания цен на продовольствие дешевой продукцией из-за океана. Наиболее преуспела в борьбе с аграрным кризисом Дания, охваченная сетью сельскохозяйственных товариществ, а именно — кооперативных маслоделен, число которых превысило 1000. Наряду со Швецией (до 1905 г. включающей Норвегию) Дания демонстрировала наиболее высокие темпы экономического роста. Причем если Швеция успешно прошла по пути «вертикальной индустриализации», при которой за ограниченный период экспорт сырья сменяется его переработкой и вывозом уже полуфабрикатов и готовой продукции (вместо леса — пиломатериалы, древесная масса и бумага; вместо железа — шарикоподшипники), а Норвегия нашла экспортную нишу в предоставлении фрахтовых услуг, то Дания приобрела известность как страна передового мясомолочного животноводства, крупнейший экспортер сливочного масла и бекона. Датский опыт и Транссибирская магистраль сыграли важную роль в последнем экономическом рывке Российской империи (1909—1914) и в земельной реформе, призванной подтянуть до европейского уровня российское сельское хозяйство.

Землеустроители, скептики и кооператоры

Идея СЮ. Витте о частнохозяйственном крестьянском землеустройстве была осуществлена П.А. Столыпиным, который пригласил на должность главного инспектора по землеустройству датчанина А.А. Кофода (1855—1948). В 1906 г. Министерство внутренних дел опубликовало книгу Кофода «Борьба с черезполосицею за границей», а в 1907 г. Министерство земледелия и государственных имуществ — популярную брошюру для крестьян «Хуторское расселение» (полумиллионным тиражом). Хотя Кофод обобщил

⁷ Янжул И.И. Избранные труды. М.: Наука, 2005. С. 311.

опыт расширения угодий в большинстве стран континентальной Европы и хуторского расселения в западных (польских, Ковенской, Волынской) губерниях Российской империи под влиянием примера Восточной Пруссии и немцев-колонистов, наилучшим он считал датское положение об устройстве хуторов. Хутор — «округленное» нечересполосное «владение одного хозяина, усадьба которого расположена тут же»⁶. По датскому образцу было решено распределить общинные угодья между крестьянскими дворами так, чтобы каждый двор имел единый участок в допустимом соотношении между длиной и шириной. Кофод подчеркивал, что благотворное влияние хуторов, на которых гораздо быстрее распространяются улучшенные приемы сельского хозяйства, сказывается прежде всего на удое коров⁷.

Другой датчанин, железнодорожный инженер К.Х. Риффесталь, был привлечен еще в 1891 г. начинателем артельного маслоделия и сыроварения в России Н.В. Верещагиным к постановке кооперативного молочного хозяйства в крупных северных губерниях Европейской России — Вологодской и Ярославской. Вновь созданное в 1895 г. Министерство земледелия при посредничестве Риффестали выписало 10 датских специалистов по молочному хозяйству, которые от улучшения качества вологодского масла перешли к содействию артельному маслоделию вдоль Транссиба и организации экспорта сибирского масла в Данию с последующим реэкспортом в Англию и Германию. Центром сибирского маслоделия стал Курган, где в 1902 г. прошел первый съезд молочных хозяев и лиц, заинтересованных маслоделием, а предпринимателем А.Н. Балакшиным была создана Организация по устройству маслодельных кооперативных товариществ. В том же году в Петербурге стал выходить журнал «Молочное хозяйство» под редакцией чиновника Министерства финансов Е.С. Каратыгина. В 1907 г. сибирское масло составляло почти 94% экспортного масла России, Балакшин возглавил Союз сибирских маслодельных артелей, за 10 лет увеличивший обороты с 21 тыс. до 160 млн рублей. Союз с правлением в Кургане имел 20 отделений в городах Транссиба (от Барнаула до Челябинска) и экспортные конторы в Копенгагене и Лондоне; он был, пожалуй, самым впечатляющим достижением российской кооперации⁸, а Дания стала ее «эталонным ареалом». Е.С. Каратыгин выпустил обстоятельную книгу по истории разви-

⁶Столыпинская земельная реформа и землеустроитель А.А. Кофод. М.: Русский путь, 2003. С. 138.

⁷Там же. С. 142.

⁸Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989. С. 435—436.

тия кооперативов в Дании «В стране крестьянских товариществ» (два издания, 1909 и 1912), а бывший видный революционер-народник Н.В. Чайковский руководил экскурсионной поездкой сибирских маслоделов в Данию в 1914 г. Один из экскурсантов писал: «Дания в современном состоянии представляет из себя очаг потребительско-производительной кооперации и мировой урок к подъему сельского хозяйства»¹¹.

Но раздавались и скептические голоса — прежде всего из рядов «старого» и «нового» народничества. Известный публицист В.П. Воронцов, апологет общины и кустарных промыслов, утвердивший в русском языке термин «капитализм» и вовлекший русскую экономическую мысль в знаменитую дискуссию о рынках, в своей книге «Судьба капиталистической России» (1907) выдвинул новый аргумент против этого самого «капитализма». Раньше Воронцов указывал на «климат в союзе с огромными пространствами нашего Отечества» и всем известным русским бездорожьем как на препятствие для национальной конкурентоспособности на внешних рынках. Теперь он обращал внимание на значение **структурного преобразования сельского хозяйства** в систему, при которой земледелец находит **производительное применение своему труду в течение круглого года** — и летом, и зимой. Такую систему Воронцов характеризовал как **подчинение зернового севооборота** (причем не традиционного трехпольного (продолжавшего господствовать в России), а травопольного и плодосменного) **интересам интенсивного животноводства**. Разведение рогатого скота, овец и свиней предоставляет сельским хозяевам извлечения дохода в течение круглого года от поставок на рынок мясомолочных продуктов и является благоприятным случаем улучшения положения земледельческого населения в условиях потери кустарных зимних заработков вследствие уничтожения промыслов крупной обрабатывающей промышленностью.

Но возможности распространения в России такой системы — как и крупной промышленности — Воронцов находил ограниченными. Он приводил Германскую империю и Данию как типические примеры преобразования во второй половине XIX века сельского хозяйства из экстенсивного зернового в интенсивное, преимущественно животноводческое. В Германии индустриальный рывок обусловил значительное увеличение городского населения, что привело к изменению сравнительного спроса на продукцию сельского хозяйства. Городские слои как более состоятельные потребляют больше сахара,

¹¹Столыпинская земельная реформа и землеустроитель А.А. Кофод. С. 544.

вина и, главное, мясомолочных продуктов, стимулируя спрос на них и позволяя земледельцу расширить производство животных продуктов за счет растительных и достигнуть более высокого дохода сравнительно с культурой зерновых хлебов.

Дания — небольшая приморская страна — преобразовала свое сельское хозяйство благодаря изобилию естественных лугов и внешнему рынку, обеспечившему ей⁹ расширенный сбыт мясомолочной продукции в близлежащую высокоиндустриальную Англию. Одновременно датчане стали ввозить хлебопродукты и корма (кукуруза, жмыхи), что избавило их от необходимости выращивать зерно для своего населения и дало дополнительные средства для развития интенсивного животноводства за счет соседей.

Таким образом, неравенство в международном капиталистическом разделении труда заключается в том, что передовые нации используют другие государства как источник не только промышленного сырья, но и кормовых средств для интенсивного животноводства. «Чужие страны не только открывают передовым нациям арену для широкого размаха промышленного капитализма, но и ...для излечения ран, нанесенных последним земледельческому населению страны»⁹.

Воронцов отметил, что поставки на внешний рынок зерна и кормов вроде отрубей и выжимок могут быть для страны-экспортера и очень выгодной коммерческой операцией, но только в том случае, если она, владея огромными площадями неистощенных земель и применяя к возделыванию полей новейшую технику, сама получает зерно очень дешево. В таком положении оказались к началу XX века молодые заатлантические страны — поставщики в Европу зерновых продуктов.

Но другое дело, когда капиталистическая страна не находит достаточно емкого рынка для преобразования зернового хозяйства в животноводческое, между тем как ее население, лишенное подсобных промысловых доходов и вынужденное приобретать разнообразные предметы своего потребления на рынке, нуждается в деньгах. У такой нации не остается иного выхода, кроме поиска сбыта земледельческих продуктов на внешних рынках. А поскольку последние охотно принимают только зерно, то за данной нацией закрепляется невыгодная роль поставщика зерновых. Хлебный экспорт Российской империи, столкнувшись с понижением цен заокеанскими странами-экспортерами (США, Австралия), закрепил неблагоприятные тенденции в структуре сельского хозяйства с перекосом в сторону

¹² Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. С. 31.

однообразия зерновых культур, истощающего почву и предопределяющего низкие урожаи.

Более развернутую аргументацию о невыгодности зерновой экспортной специализации России, консервирующей «выбалтывающее землю трехполье» и отражающей отставание от Запада в переходе к интенсивным формам земледелия, изложил экономико-географ Н.П. Огановский в фундаментальном труде «Закономерность аграрной эволюции» (3 тт., 1909—1914).

Развивая мысль Б.О. Ключевского о колонизации как главном факте русской истории, Н.П. Огановский показал, что именно в колонизационном размахе **коренится неравновесие между земледелием и животноводством** в России, в которой — как нигде более в Европе — 90% земледельческих площадей засеивается одними зерновыми культурами, что лишает продуктивное животноводство кормовой базы.

Вслед за Ключевским Огановский выделил 5 периодов русской истории, конкретизировав их по типам полеводства и распределения земель¹⁰:

1) киевский период преимущественно лесопромыслового хозяйства, в которое постепенно вращается экстенсивное переложное земледелие, — период первоначального накопления **движимых** капиталов в руках господствующих классов;

2) верхневолжский период хозяйственного поворота под давлением внешнеполитических факторов в менее благоприятную сторону; сдвиг в сторону подавляющего преобладания земледелия, а в самом земледелии постепенная замена перелога трехпольем; в сфере распределения — переход господствующих классов от захвата движимого имущества к **земельному захвату**;

3) московский период рассеяния экстенсивного земледелия по вновь колонизованным территориям Поволжья и Прикамья; в сфере распределения — **раздача** земель сверху господствующему военно-служилому сословию; закрепощение; окончательное обособление замкнутых сословий крестьян и нетрудовых землевладельцев;

4) имперско-дворянский период заселения нового (второго) колонизационного пояса (Новороссия и Нижнее Поволжье) и концентрации крупного землевладения во многом на почве фаворитизма, создания **крупного товарного помещичьего** хозяйства;

5) современный период падения трехполья, «дошедшего до своего конца в центральных районах», начало вступления в интенсивную фазу, сопровождаемое политической борьбой за землю, исчезновени-

¹⁰ Огановский Н.П. Очерки по истории земельных отношений в России. Закономерность аграрной эволюции. Т. 2. Саратов, 1911. С. 24—25.

ем сословных перегородок; продвижение в третий колонизационный пояс — на Северный Кавказ, в Сибирь и Среднюю Азию.

«Самобытность» русской истории и в сфере сельскохозяйственного производства, и в отношениях распределения выразилась главным образом в **неограниченном просторе земель** и в постепенной их колонизации, создававшей вовлечением новых и часто более производительных почв широкие возможности для **«попятного хода» эволюции земледелия** — с возвращением к залежи и задержкой расставания с трехпольем. В результате различные районы Российской империи образовали как бы лестницу разных ступеней земледелия — от целинно-залежной в прикаспийских губерниях, где гулевой скот бродил и размножался на просторе степей, до европейски-плодосменной в Привислинском и Остзейском краях. Основная же часть доуральской России пришла к **«перепаханности» угодий под экстенсивное зерновое трехполье**. Результатом стало **оскудение центра** — низкая урожайность в перенаселенных центральных губерниях сравнительно с окраинами: западными — где уже осуществлялся переход к европейски интенсивным системам земледелия; восточными и южными — где при редком населении естественные богатства почв и простор **еще** позволяли использовать залежную систему.

Кроме фактора обширной внутренней колонизации, на аграрную эволюцию России особый отпечаток наложил и фактор внешнего рынка, особенно в XIX веке, когда пшеница и ячмень заняли доминирующее положение в русском экспорте.

Для производства на рынок выгоднее засевать всю площадь одним злаком. Торговый капитал брался охотно лишь за сбыт тех продуктов, которые не требовали забот и расходов по хранению и первичной переработке. Не считаясь с рациональностью использования почв, требующей разнообразия культур, внешний рынок стимулировал развитие истощавших почву единообразных пшенично-ячменных посевов. В районах Черноморско-Каспийского кольца — Новороссии, Нижнем Поволжье и Северном Кавказе — посевные площади в конце XIX — начале XX века быстро росли и давали с каждой десятины в 2—3 раза больше валового сбора, чем в остальной России. Но эти результаты достигались за счет убыстренного развития хищнического зернового хозяйства, основанного почти исключительно на выращивании двух злаков — пшеницы и ячменя — с ориентацией на мощное расширение внешнего сбыта.

Что касается столыпинской земельной реформы и ее геокультурного ареала — Дании, то Огановский соглашался с тем, что с аг

ротехнической точки зрения хутора там, где они возможны, почти совершенная форма землеустройства. Но распространение ее наталкивается на существенные ограничения, особенно географические, связанные с доступностью к источникам воды и дорожной сети.

В своей книге «Революция наоборот (Разрушение общины)» Огановский подчеркивал, что чересполосица обусловлена более не общиной, а деревенской формой поселений как таковой. Но массовое расселение на хутора требует «прирезки земли», которую с таким негодованием отвергло правительство. «Переход к хуторскому хозяйству не помогает малоземельным», — цитировал Н.П. Огановский А.А. Кофода, кроме того, по признанию П.А. Столыпина, «хуторское расселение всецело зависит от условий водоснабжения».

Но обеспечить выход хуторов к воде можно без проблем в северо-западных губерниях, тогда как в других — в большей части засушливых и маловодных — это сложно. Каждый хутор прилепить одной границей к речке или пруду невозможно, а при малых колодцах хутора обречены на жалкое существование. Хуторизация без достаточного орошения возможна в сухих районах только на больших площадях и при чисто зерновом (хищническом) хозяйстве, которое через несколько лет или (на лучших почвах) через несколько десятилетий истощит землю и приведет к необходимости «переселиться на новые места или создать гигантскую систему орошения»¹¹.

Независимо от того, как оценивать результаты реформ СЮ. Витте и П.А. Столыпина, и тот, и другой исходили из перспективы мирного развития России. Кажется парадоксальным, что среди русских экономистов того времени — причем либеральной профессуры — были сторонники взгляда на войны как фактор, благоприятствующий экономическому прогрессу¹². Но наиболее последовательными выразителями такой позиции стали большевики. Для В.И. Ульянова-Ленина разразившаяся мировая война была не только шансом «прорвать слабое звено» в «цепи» капиталистических государств, но и почвой к созданию «материальных предпосылок» для «новой общественной формации», точнее, первой фазы этой формации — «социализма».

«Советская власть плюс»

Основной категорией в представлениях Ульянова-Ленина об экономическом строе социализма была «планомерность» как

¹⁴ Огановский Н.П. Революция наоборот (Разрушение общины). М.: Задруга, 1917. С. 38. Ср.: Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? // Звезда. 1990. № 12. С. 120.

¹⁵ Исаев А.А. Мировое хозяйство. СПб.: Тип. Шредера, 1910. С. 19—22.1

необходимый вывод из «крупнокапиталистической техники» и «обобществления производства». При обсуждении проекта программы РСДРП в 1902 г. Ульянов-Ленин отметил, что уже тресты способны дать «планомерную организацию общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов»¹³. В разработке своей концепции новейшего империализма как «монополистического капитализма» — высшей и «последней» стадии капитализма вождь большевиков опирался на трактат «Финансовый капитал» германского экономиста Р. Гильфердинга, завершившего свое исследование выводом, что слияние капитала крупнейших банков с крупнейшими промышленными объединениями «чрезвычайно облегчает преодоление капитализма», если пролетариат захватит власть: овладение 6 главными берлинскими банками равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности (горное дело, металлообработка и машиностроение, электропромышленность, химия) и системой транспорта¹⁴.

Итак, организация производства и концентрация капитала в двух ведущих мировых промышленных державах принимается за контуры социализма, который в 1917 г. Ульянов-Ленин определяет как **«государственно-капиталистическую монополию, обращенную на пользу всего народа»**. Он оценивает опыт централизованного вмешательства в экономику военного времени в кайзеровской Германии как «государственно-монополистический капитализм», или «полнейшую материальную подготовку социализма»¹⁵. Он доверяет «знатоку» организационных форм германского военно-государственного капитализма Ю. Ларину (М. Лурье) внедрять эти формы в России через Высший совет народного хозяйства, наполняя «пролетарским классовым содержанием». Он находит в трактате «Государство будущего» немецко-прибалтийского статистика К. Баллода «план социалистического переустройства всего народного хозяйства Германии» на основе электрификации и всеобщей трудовой повинности.

Хрестоматийная формула «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны» была, по-видимому, результатом перебора вариантов, среди которых был и такой, обнародованный 40 лет назад известным журналистом-коммунистом В. Чикиным: «Обеими руками привлекать все лучшее из-за границы: Советская власть + прусская железнодорожная система +

¹⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 232.

¹⁷ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: Соцэкгиз, 1959. С. 475.

¹⁸ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 193.

американская организация трестов + американское образование и т.д. и т.п. = социализм»¹⁹. Обращает внимание, что вновь речь идет об опыте двух ведущих мировых промышленных держав. И еще раз с тем же мы встречаемся при детализации того, что же есть «материальная подготовка социализма». С одной стороны, это возможность: приблизительного учета сырых материалов (например, железорудных земель) во всей стране; организации на основании точного учета массовых данных доставки сырья в размерах $\frac{2}{3}$ или ...всего необходимого для десятков миллионов человек; систематической перевозки в наиболее удобные пункты производства, разделенные иногда сотнями и тысячами верст; распоряжения из единого центра «всеми стадиями последовательной обработки материала для получения целой серии разновидностей готовых продуктов»; распределения этих продуктов по единому плану между миллионами потребителей¹⁶. С другой стороны, это методы рационализации трудовых движений, разработанные в США Ф.У. Тэйлором, Ф. Джилбретом и др., «научная организация труда»²¹.

Глава правительства народных комиссаров составляет «Набросок плана научно-технических работ», нацеленный на увязку проводимых еще с 1915 г. Академией наук изысканий естественных производительных сил России с обеспечением социалистического государства «всеми главнейшими видами сырья и промышленности» и «сосредоточением производства в немногих крупнейших предприятиях». Он активно поддерживает «советского тейлориста» А.К. Гастева, позднее с успехом выступившего на международном конгрессе по научной организации производства в Праге.

Среди критиков В. Ульянова-Ленина, Ю. Ларина и А. Гастева был А. Богданов, крупнейший марксистский теоретик, автор терминов «военный коммунизм» и «техническая интеллигенция». В 1917 г. он утверждал, что такие формы государственно-монополистического капитализма, как **государственные монополии сбыта тех или иных продуктов, принудительное синдицирование и трестирование, государственная трудовая повинность** вовсе не могут считаться показателем какой-либо «материальной зрелости» для социализма, будучи **системой приспособлений к процессу разрушения производительных сил**. В 1920-е гг. Богданов обратил внимание на то, что автаркические тенденции, дезинтегрировав-

²⁰ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 27. С. 425.

шие мировое хозяйство во время войны, не исчезли и после нее. Они приняли форму организации производительных сил в национально-государственных масштабах — изыскания и наиболее рационального использования собственных природных богатств, проведения на уровне государственной политики системы прикладных научных исследований, тренировки наличных рабочих сил (всплеск интереса к «научной» организации труда — тейлоризму, психотехнике и т.п.)¹⁷.

Это означает, что **финансовый капитализм** с его политическим выражением — империализмом **не является высшей и «последней» стадией капитализма, а переходит в новую стадию — национального экономического дирижизма**, на которой главную роль будет играть не «акционерно-рантье́рская» буржуазия, а связанная с госаппаратом «техническая интеллигенция». Поэтому рано говорить о социализме, который, по мнению Богданова, невозможен вне связей с мировым хозяйством; а тот **«социализм»**, строительство которого провозглашалось в СССР, Богданов считал **разновидностью «национально-государственного капитализма»**.

Построенный в СССР «реальный» или, лучше сказать, **номинальный социализм** едва ли был возможен, если бы евразийское месторазвитие не предоставило установившемуся режиму «твердой власти» полноту естественно-промышленных ресурсов, изыскание и освоение которых было осуществлено технической интеллигенцией — как старой с дореволюционными корнями, так и новой, выдвинувшейся из народа при участии массы заключенных. Именно за советский период Россия достигла статуса страны, наиболее обеспеченной минеральными богатствами, которые не только позволили выдержать послереволюционную экономическую блокаду, но и бросить вызов «ядру» капиталистической мир-экономики в качестве «противоцентра».

«Центр» и «противоцентр»

Схватка в капиталистической мир-экономике в начале XX века между Великобританией-гегемоном и Германией-«противоцентром» привела к мировой войне, после которой еще более усилились США, принявшие сторону Англии и Франции против Германии. Однако, с одной стороны, побежденная Германия не смирилась со своим поражением, а с другой — США еще не были готовы занять место гегемона, уступая Великобритании в объеме экспорта ка-

²²Богданов А.А. Общественно-научное значение новейших тенденций естествознания (1923) // Вестник МИАБ. 2004. № 2.

питала и не особо волнуясь процессами в Восточном полушарии. «Гегемонистская нестабильность» стала предпосылкой Великой депрессии и Второй мировой войны, а также революций в России, превративших ее в СССР — «пионера плановой цивилизации» (Л. Стеффенс²³). Советский Союз, осуществляя опыт построения некапиталистического хозяйства, во Второй мировой войне оказался союзником бывшего (Великобритания) и будущего (США) гегемона капиталистической мир-экономики, а после войны — их глобальным «противоцентром» (военно-технологическим, экономическим, идеологическим, геостратегическим).

Однако противостояние оказалось непосильным для СССР, так и не преодолевшего отставание от стран капиталистического «центра» в производительности труда — несмотря на компании по внедрению НОТ в 1920-е и 1960-е гг. и попытку рецепции «фордизма» в рамках системы директивного планирования крупной промышленности. Следует заметить, что «ядро» капиталистической мир-экономики во второй половине XX века при определяющем значении «американизации» приобрело разные геокультурные оттенки — «шведская модель» государства благосостояния, германское «социальное рыночное хозяйство», «японский опыт» сочетания модернизации с национальными традициями. Но эти геокультурные «субареалы» не смогли конкурировать с эталонным образцом США в период капиталистической реставрации в России.

²³Стеффенс Линкольн (1866—1936)— американский публицист, в 1900-е гг. лидер движения «разгребателей грязи» — журналистов, избличавших злоупотребления монополий, бюрократию, коррупцию. В 1919 г. посетил Советскую Россию, встречался с В. Ульяновым-Лениным.